

DOI 10.15826/qr.2017.3.251

УДК 910.4(091)+141.81+821.161.1-94+929М.Беневский

**В ПОИСКАХ НОВОГО ЭДЕМА:
«ИМПЕРАТОР МАДАГАСКАРА» МОРИС БЕНЕВСКИЙ
И ЕГО РУССКИЕ СПУТНИКИ***

Валерий Мароши

Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск, Россия

**A QUEST FOR A NEW EDEN:
“EMPEROR OF MADAGASCAR” MAURICE BENYOVSZKY
AND HIS RUSSIAN COMPANIONS**

Valery Maroshi

Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

This article explores the strategies of the famous 18th-century European adventurer Maurice Benyovszky and the reasons that inspired his Russian companions to follow him on a dangerous journey after the uprising in Kamchatka in 1771. The quest for new colonies by Russian fugitives is connected with the transformation of the archetype of Eden in different topoi and plots of travelogues and fiction. The dream of colonising a distant exotic island was part of the “Eden aspirations” of the 18th century. In his memoirs, Benyovszky repeatedly expressed a dream to establish a European colony on an exotic island and even drafted memoranda of its principles. However, Benyovszky’s memoirs, which contained imaginary descriptions of islands, were heavily influenced by the genres of geographic utopias, robinsonades, and pirate novels, which also included descriptions of “pleasant places”. Benyovszky describes a fictional colony in the Commander and Aleutian Islands, founded by the noble

---

* *Citation:* Maroshi, V. (2017). A Quest for a New Eden: “Emperor of Madagascar” Maurice Benyovszky and His Russian Companions. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251.

Цитирование: Maroshi V. A Quest for a New Eden: “Emperor of Madagascar” Maurice Benyovszky and His Russian Companions // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251 / *Мароши В. Поиски нового Эдема: «император Мадагаскара» Морис Беневский и его русские спутники // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 807–825. DOI 10.15826/qr.2017.3.251.*

pirate and Russian fugitive Ivan Okhotin. He creates a biography of his imaginary double, a fighter for freedom who controls the uninhabited islands. In his memoirs, he fabricates an idyll of an imaginary desert island of Humidity that nevertheless brings salvation to the travellers and expands the size of the idyll even more for Usma Island, where the travellers get a most cordial welcome. On the island of Formosa, they have to take part in an imaginary war. His projects resulted in the creation of a French colony on the island of Madagascar between 1774 and 1776, which was joined by some of his Russian companions: this was followed by Benyovszky being proclaimed “emperor” of the island. Benyovszky’s return to the island in 1785 and his death in a fight with the French demonstrate that the establishment of a colony based on the principles of reason and mutual benefit of the colonists and aboriginal people was very valuable to him. The author makes an attempt to reconstruct the ideal of a “new Eden” on the basis of the genre conventions and popular travelogues of the mid-18th century.

Keywords: M. Benyovszky; Eden; travel; utopia; robinsonade, travelogue.

Исследуются стратегии европейского авантюриста XVIII в. Мориса Беневского и причины, побудившие его русских спутников последовать за ним в опасное путешествие после мятежа на Камчатке в 1771 г. Поиск новых колоний русскими беглецами во время путешествия во главе с Беневским рассматривается как трансформация архетипа Эдема в разных топосах и сюжетах травелогов и художественной литературы. Мечты о колонизации отдаленного экзотического острова – часть этих «эдемских устремлений» XVIII в. В мемуарах Беневского они выражаются в постоянном прожектёрстве о создании на острове европейской колонии, нашедшем выражение в составлении своеобразных меморандумов о принципах ее существования. Однако для последующей деятельности Беневского и его мемуаров, содержащих вымышленные описания островов, явственнее оказывается влияние жанров географической утопии и робинзонады, а также пиратского романа, которые тоже включали в себя описания «приятных мест». Беневский описывает вымышленную колонию на Командорских и Алеутских островах, созданную «благородным пиратом», русским беглецом Иваном Охотиним. Он придумывает биографию своего сюжетного двойника – борца за свободу, который контролирует необитаемые острова. В мемуарах он фабрикует идиллию необитаемого, но спасительного для путешественников «острова Влаги», еще более расширяя ее масштаб для острова Усма, на котором путники находят самый гостеприимный прием, и отчасти для острова Формоза, на котором им приходится принять участие в воображаемой войне. Продолжением этой проективной активности стало создание им в 1774–1776 гг. французской колонии на острове Мадагаскар, в которой приняли участие некоторые из его русских спутников, и провозглашение его правителем острова. Возвращение Беневского на остров в 1785 г. и его смерть в сражении с французами доказывают, что создание колонии на острове с благоприятной природной средой и дружелюбным населением на основе принципов разума и взаимной выгоды колонистов и аборигенов продолжало быть осо-

бенно значимым для него. В статье сделана попытка реконструкции идеала «нового рая», исходя из жанровых конвенций и популярных травелогов середины XVIII в.

Ключевые слова: М. Бенеvский; Эдем; путешествие; утопия; робинзонада; травелог.

Граф Морис Бенеvский (1746–1786), уроженец Венгерского королевства, еще с конца XVIII в. стал идеальным героем европейского мифа о свободолюбивом европейце, возглавившем дерзкий бунт и побег ссыльных из отдаленного угла тиранической и варварской России – с полуострова Камчатка. Кроме того, его активность и предприимчивость в самых разных географических и политических направлениях (Япония, Франция, Англия, Австро-Венгрия, США, Мадагаскар) привели к тому, что он превратился и в одного из самых известных «*aventurier*», искателей приключений Нового времени. Этого авантюриста с размытой национальной идентичностью («восточноевропейской») воспринимали и воспринимают как своего в силу разных исторических и биографических обстоятельств словаки, венгры, поляки и евреи. Благодаря публикации и переводу на основные европейские языки до предела беллетризованных воспоминаний Бенеvского [Benyowsky, 1790] сначала в странах Восточной Европы, а затем и в России / Советском Союзе появляются литературные произведения, в которых в той или иной степени были усилены мелодраматические или романтические коллизии его мемуаров и травелогов¹. Уже в наши дни Бенеvский стал главным персонажем нескольких документальных и художественных теле- и кинофильмов в Венгрии и Словакии.

Русские источники с первой трети XIX в. изображают Бенеvского не библейским Моисеем, который вывел своих спутников из пустынь Камчатки и океана в цивилизованную Европу, а демоническим соблазнителем, использовавшим простодушных русских как сообщников мятежа и побега [Берх; Щебальский; Сгибнев]. Его «Воспоминания» – ложь и демонстрация непомерного тщеславия и жажды самообогащения *par excellence*, по крайней мере на тех страницах, которые посвящены Камчатке и побегу. В советское время фигура «борца за свободу» была переоценена радикальным образом, а сам Бенеvский, так и оставшись авантюристом, превратился в поклонника утопии Т. Кампанеллы в романе Н. Смирнова. Колониально-

---

¹ Драма А. Коцебу «Бенеvский, или Заговор на Камчатке» (Kotzebue A., «Graf Benjowsky oder die Verschwörung auf Kamtschatka», 1795), «Биография», написанная Мором Йокаи (Jókay Móricz, «Gr. Benyovszky Móricz életrajza. Sajat emlékiratai és útleírásai», 1887–1888), в Польше – незаконченная поэма Ю. Словацкого («Beniowski», 1840–1841) и роман В. Серошевского («Beniowski», 1916), в Чехословакии – роман словака Й. Нижнанского «Dobrodružství Mórica Veňovského» («Приключения...», 1933) и др.; в России – повесть Д. Л. Мордовцева «Беглый король» (1893), в послереволюционное время – «протоцпреалистический» роман приключений для подростков Н. Г. Смирнова «Государство солнца» (1928).

утопический вектор намерений Беневского Смирнов своей художественной интуицией уловил довольно точно, хотя объяснялись они отнюдь не чтением Кампанеллы.

Число научных публикаций о Беневском давно перевалило за тысячи. Однако чем объективнее исследователи из самых разных стран пытались разобраться в хитросплетениях его судьбы и вымысла, тем более обескураживающими оказались результаты этих усилий разделить реальное и воображаемое, отслоить географический и исторический контекст от нарциссического мифотворчества нашего героя. После появления работ А. Перси [Percy, 1962; Percy, 1978] общий тренд мнений о деятельности Беневского, по сути, сблизился с одиозно прогосударственными оценками российской историографии XIX в. В отличие от европейской, она была основана на материалах следственного дела и показаниях свидетелей, а не на мемуарах Беневского, не опубликованных в России и по сию пору.

Факты истории и географии отступили на второй план перед необходимостью анализа имиджевой самопрезентации Беневского как нарратора, романной эффектности и литературности его сюжетных ситуаций и лейтмотивов. Не претендуя на исчерпывающий охват этого аспекта словесной деятельности Беневского, сосредоточимся на мотивном комплексе, связанном с жанрами утопии и робинзонады. Это мотивы поиска экзотического «земного рая», локализованного на отдаленном острове в тропическом климатическом поясе Мирового океана. В мемуарах Беневского он выражается в постоянном прожектерстве о создании на том или ином подходящем для этого острове европейской колонии и даже в составлении своеобразных меморандумов о принципах существования таких поселений. Совокупность архетипических по своему происхождению мотивов (понимаемых и в своем изначальном смысле как «движущие факторы») позволяет понять стратегию как некоторых русских спутников Беневского, так и его самого во время и после побега. Мы имеем в виду и описания воображаемых и реально существующих островов в мемуарах графа, и организацию французской колонии на Мадагаскаре (1774–1776), в которой наряду с сотнями французов приняла участие и часть его русских соратников по побегу, и неожиданное возвращение Беневского на остров в 1785 г.

Многие путешественники эпохи Просвещения, попадавшие из европейской или русской ойкумены в экзотические миры Востока, Юга или тропиков, впадали в две крайности – или видели вокруг исключительно варварство и дикость [Вульф], или грезили об утраченном человеческим сообществом земном Эдеме с непугаными животными и невинными аборигенами. Проблема поиска новых колоний русскими путешественниками-беглецами во главе с Беневским будет продолжением магистральной для нас темы трансформаций архетипа Эдема в топосах русской литературы и в локусах русских травелогов [Мароши, 2015; Мароши, 2016].

Этот архетип в античной поэзии был еще связан с устойчивым топосом идеального пейзажа, благословенного богами места. Исчерпывающий набор его мотивов дан в фундаментальной книге Е. Курциуса [Curtius]. В отечественном литературоведении его свойства удачно обобщил М. Н. Эпштейн: «Мягкий ветерок... доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, ручеек, утоляющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях. В пасторали к ним добавлялся мирно пасущийся скот, зеленая трава и луга» [Эпштейн, с. 131]. Однако Курциус, сосредоточившись на систематизации всех риторических *locis communis*, сравнительно мало уделил внимания тому, в какую более общую сюжетную ситуацию они встраивались. Из приведенных им контекстов ясно, что первоисточником всех дальнейших вариаций стал сюжет возвращения на свой остров гомеровского Одиссея, в котором локусы как счастливых, так и опасных для него и его спутников островов будут выполнять ретардирующую функцию.

В мифопоэтически ориентированной сюжетологии путь героя домой будет признан одной из важнейших фаз «мономифа», универсальной схемы мифа и многих эпических произведений [Campbell, 2004]. Как тут не вспомнить новеллу Х. Л. Борхеса «Евангелие от Марка» о «двух историях» (впоследствии Борхес увеличит число вечных сюжетов до четырех):

Кроме того, ему пришло в голову, что люди поколение за поколением пересказывают всего лишь две истории: о сбившемся с пути корабле, кружащем по Средиземноморью в поисках долгожданного острова, и о Боге, распятом на Голгофе [Борхес, с. 271–272].

По пути на родной остров Итака, как известно, герою приходится посетить немало островов. Среди них особо выделяются острова «искушения» для героя и его спутников, где они могут задержаться надолго или остаться навсегда (остров лотофагов, остров Схерия феаков, остров Кирки Эя, остров Калипсо Огигия). Описание идиллического пейзажа (сад Алкиноя, лес вокруг пещеры Калипсо) и безмятежной жизни обитателей отдаленных островов стало позже прообразом античного рая, Элизия. Гомеровские острова превратятся в «блаженные острова» в «Трудах и днях» Гесиода («*ἐν μακάρων νῆσοισι*» [Hesiod, p. 25]) — сакральную страну где-то на периферии мира или даже в ином мире, где обитают заслужившие бессмертия.

Миф о блаженных островах и их блаженных жителях, пользующихся покровительством богов, — один из примеров представлений об «окраинных» народах, которые характерны для многих культур древности (Ирий и остров Буян у славян, Авалон у ирландцев и т. д.). Позже в философской литературе сформируется жанр утопического философско-географического романа, целью которого было изобраа-

жение справедливого социального порядка, существующего на экзотическом изолированно расположенном в океане острове (острова Священный и Панхайя Евгемера Мессенского и Диодора Сицилийского, «*nova insula Utopia*» Т. Мора, Капробана Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона и др.). Прообразом нового жанра принято считать описание острова Атлантиды в диалоге Платона «Критий», где изображалась жизнь необычайного народа атлантов среди гармоничной природы на огромном острове в Атлантическом океане.

На первый план выдвигаются разумность и гармоничность государственного и социального мироустройства островного государства, что не отменяет удобства и красоты его природного ландшафта, в описании которого простиупает «гомеровский» первотекст:

Местность вокруг храма покрыта разнообразной растительностью, не только приносящей плоды, но и радующей глаз. На равнине растут кипарисы огромной величины, платаны, лавры и мирты, между которыми бьют многочисленные родники. Недалеко от священной ограды бьет такой сильный родник сладкой воды, что он обращается в реку, по которой могут плыть лодки. Вода из этой реки проведена в разные концы равнины, она орошает леса из высоких деревьев, где множество людей проводит летнее время и где масса птиц вьет гнезда и услаждает слух своим пением. Там много различных садов и лугов с разнообразными кустами и цветами. <...> Там были пальмы с могучими стволами и прекрасными плодами, разных сортов ореховые деревья, приносящие жителям богатое пропитание. Вдобавок ко всему этому там растет в большом количестве виноград разных сортов, лозы его вьются высоко, их переплетения приятны глазу и доставляют радость без приложения труда... [Диодор].

В позднейших утопиях идеальный Город оттеснит на задний план природу античного *locus amoenus*, а у христиан ветхозаветный земной Эдем уступит место невидимому небесному граду Новому Иерусалиму. Эдемский сад был локализован далеко на востоке, в отличие от античных блаженных островов и утопий, находившихся на западе и юге. Однако к XVI в. идея возможного существования такого рая в отдаленном пространстве уступила место представлению о навсегда утраченном во времени раю [Scafi]. В европейской живописи и литературе мотивы античного топоса «приятного места» с экзотическими деревьями и растениями, плодами, мирно пасущимися животными, источниками воды не только будут сохранены в жанрах идиллии и пасторали, но и помогут детализировать словесные описания или визуальные изображения Эдема.

В XVII в., по авторитетному мнению М. Новака, в европейской литературе три взаимосвязанных «фикциональных типа» поддерживали друг друга: утопия, поиски нового рая («*the quest for a new paradise*» [Novak, p. 111] и робинзонада (еще до появления рома-

на Дефо, который лишь закрепил ее номинацию). Их объединяли многие схожие черты: мотив кораблекрушения и высадки персонажа-европейца на незнакомый отдаленный остров, имеющий более или менее определенную локализацию на географической карте, контакты с иным типом человеческого общества (в диапазоне от дикарского до высокоразвитого), экзотический ландшафт. Эпоха великих географических открытий, предполагавшая вхождение в необычную или не тронутую человеком природную среду, встречи с обнаженными, но часто кроткими и простодушными аборигенами, живущими «естественной» жизнью, напоминали европейцам об их собственной утраченной невинности, искушали возможностью создания такого «рая для себя», чаще всего в виде колонии. Начавшаяся индустриализация Англии и повсеместное развитие рынка в Западной Европе вызывали желание вернуться в патриархальную сельскую идиллию с ее автаркией землевладельца. Поэтому даже в «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» Д. Дефо (1719), классической робинзонаде, герой создает себе «country house», «bower» в «очаровательной долине», ландшафт которой столь похож на идеальный пейзаж европейской поэзии:

В конце этого пути было открытое место, заметно понижавшееся к западу. Родничок же, пробивавшийся откуда-то сверху, тек в противоположном направлении, то есть на восток. Вся окрестность зеленела, цвела и благоухала, точно сад, насаженный руками человека, в котором каждое растение блистало красой весеннего наряда. Я спустился немного в эту очаровательную долину и с тайным удовольствием, хотя и не свободным от примеси никогда не покидавшей меня грусти, подумал, что все это мое, я — царь и хозяин этой земли; права мои на нее бесспорны, и если б я мог перевести ее в обитаемую часть света, она стала бы таким же безусловным достоянием моего рода, как поместье английского лорда. Тут было множество кокосовых пальм, апельсиновых и лимонных деревьев, но все дикорастущих, и лишь на немногих из них были плоды... [Дефо].

Принципиальное отличие состоит лишь в том, что все это теперь — владения европейца, ставшего полновластным хозяином этого рая, будущей колониальной утопии.

Не менее популярными, чем собственно вымысел, были отчеты путешественников, прежде всего компиляции капеллана Рихарда Уолтера (в тогдашней транскрипции — Вальтера) по материалам записок знаменитого английского адмирала Джорджа Ансона, совершившего в 1740–1744 гг. кругосветное путешествие для грабежа испанских владений в Тихом океане. Первый русский перевод «Робинзона Крузо» вышел в 1760–1762 гг., и у нас нет точных сведений, читал ли роман Бенековский или кто-то из его спутников (можно предположить, что читал, к 1760-м гг. мировая робинзонада уже была очень

обширной). Однако именно о наличии книги русского (или французского) перевода Ансона с вложенными туда «ландкартами» в Большерецком остроге сообщают разные свидетели, она фигурирует даже в следственном деле как любимая книга одного из самых активных соратников Беневского – бывшего лейб-гвардии поручика Петра Алексеевича Хрущева: «Однажды эту книгу купил поручик лейб-гвардии Измайловского полка Петр Алексеевич Хрущев и провез с собой через всю Сибирь в ссылку на Камчатку. С этого “Путешествия около Света” Хрущев рисовал кроки (наброски), а Чурин и Бочаров вели корабль» [Хмельнов, Чухраев].

Русские стали участниками мятежа и побега Беневского по самым разным причинам: ссыльные офицеры и придворные были убеждены в несправедливости всего государственного устройства России и нелегитимности власти Екатерины, поддерживая либо Петра III, либо Павла I (см. их «Объявление Сенату...», которое цитируется историками из следственного дела [Там же]); «простые люди» – промысловые охотники, моряки, часть солдат отчасти поверили в таинственную миссию Беневского, связанную с доставкой «зеленого конверта» от цесаревича Павла в Европу, отчасти надеялись добыть золото или шкуры котиков на отдаленных островах. В Большерецком остроге объединились небольшие группы маргинализированных пассивариив, которым было нечего терять.

Все вместе очевидно устали от жизни на Камчатке, которая казалась многим «адам на земле». Характерно первое впечатление мореплавателя Головнина:

Камчатка представляла нам такую картину, какой мы еще никогда не видывали: множество сопок и превысоких гор с соединяющими их хребтами были покрыты снегом, а под ними чернелись вдали леса и равнины. Некоторые из вершин гор походили на башни, а другие имели вид ужасной величины шатров. Это подало повод острякам из наших матросов сказать, что тут черт лагерем расположился; другие же из них говорили, что Россия сюда обратилась задом. Первая мысль была удачна; и в самом деле, я думаю, что Мильтон в поэме своей «Потерянный рай» не мог бы лучше уподобить военный стан сатаны, когда он вел войну против ангелов, как если бы сравнил оный с камчатскими горами в осеннее время [Головнин, с. 215].

Казавшаяся бесконечной зима, отсутствие перспективы для большинства ссыльных и служивых людей, однообразная пища («И присланы все мы на свое содержание, где всегда зима, и хлеба нет, а покупают дорогой ценой, и питаемся все рыбой» (цит. по: [Вахрин])). (Ср. первое впечатление только что приехавшего Беневского: «...he presented us with a dinner according to the custom of the country, which consisted of boiled fish, roasted fish, and fish powdered and made into bread» («...он предложил нам обед, состоящий из рыбы сваренной,

обжаренной, измельченной в порошок и превращенной в хлеб»²) [Венуовски, р. 70] – все это вряд ли как-то выделяло Камчатку среди других сибирских окраин империи.) Но люди, избравшие своим «предводителем» Беневского, хотели вырваться в другое пространство – у многих из них оно ассоциировалось со свободой, теплом, добычей золота и меха. Нечего и говорить, что на несколько месяцев они получают непривычную жару, бесконечную кашку, скученность на корабле, соленую рыбу и плохую воду.

Лидером среди них наравне с Беневским стал человек, не подписавший общее «Объявление...», но обладавший до его приезда наибольшим авторитетом среди других русских ссыльных. У него была «волшебная книга» – русский перевод записок о путешествии Вальтера-Ансона, который для тех времен вышел с удивительной оперативностью (через три года) и был сделан Василием Лебедевым по немецкому переводу книги [Вальтер, 1751]. Именно ее чтение определило устремленность воображения Хрущова к далекому югу, а карты из нее стали основой путевого курса русского галиота «Св. Петр» в южные моря.

Похоже, что либо эту книгу прочитали еще до плавания все грамотные люди в Большерецке, либо она стала настольным пособием уже в плавании по Тихому океану. Во всяком случае, единственный русский травелог этого плавания, предельно краткие «Записки...» канцеляриста Ивана Рюмина, больше похожие на «поденные записки», содержат три ссылки на Ансона [Рюмин, 1822, № 5, с. 386–387, № 6, с. 452–453, № 7, с. 4–5] (у Беневского – всего одна). Уже первый русский историк и исследователь В. Берх, допущенный к материалам дела, увидел в обаянии этой увлекательной книги, точнее, одного из ее разделов, чуть ли не главную причину заговора, организованного думвиратом Беневского и Хрущова: «Хрущов, с которым они составили план своего спасения, был человек отличного ума и с большими познаниями. В библиотеке его находилось путешествие Лорда Ансона. Очаровательное описание Марианского острова Тиниана, которое приводит каждого читателя в восхищение, подало им мысль мечтать о переселении в сию прелестную страну» [Берх, с. 10–11]. Выше было отмечено, какое значение в эпоху Просвещения для еще не состоявшихся путешествий приобрело воображение читателя и автора. Стоит добавить, что именно Хрущов, поступив на службу во французскую армию, поедет с Беневским на Мадагаскар. Увы, он умрет от лихорадки через четыре месяца после прибытия.

Мемуарам Беневского вполне можно доверять:

On the 5th (5 декабря 1770 г., так в дневнике Беневского, на самом деле это должно было произойти в сентябре. – В. М.) I arose and examined the whole cabin, which appeared to be very well furnished; but what surprized me the most

---

² Здесь и далее перевод цитат из книги М. Беневского принадлежит автору статьи.

agreeably was, an alcove of the same kind as that in which I slept, which was filled with French, Russian, English, German, and Latin books, placed in order. I found Anson's *Voyage* lying on a table, and began to read it with pleasure, but had scarcely finished the first page before Mr. Crustiew entered and embraced me. Our first conversation turned on this famous voyager, and my friend informed me that for six years past he had deliberated in his own mind on the means of quitting Kamchatka, and making his way to the Marian islands. The account of the island of Tinian, as described in that publication, had struck the imagination of Mr. Crustiew so forcibly, that the island, in his opinion, was nothing less than paradise³ [Benyowsky, p. 79].

Ирония рассказчика по поводу искренней веры Хрущова очевидна: Беневский по прошествии более чем десяти лет после описываемых событий явно представлял себе устройство земного рая иным.

Из следственного дела штурмана Герасима Измайлова, позже вышесказанного Беневским на один из Курильских островов, известно, что ему была первоначально поставлена задача плыть на Тиниан:

Идти вдоль Курильских островов до Восемнадцатого острова. Здесь взять курильца-толмача и следовать до Двадцать четвертого острова (Хоккайдо), где стоит город Матмай — здесь иметь зимовку, а прозимовав во оном, простиратца между лежащими Лангронскими островами (другое название Марианских островов. — В. М.) к двум, состоящим к зюйд-осту в ширине северной 15 градусов 30 минут, а в длине 247 градусов островам Ктсинану (Тиниан. — В. М.), а паче в Гуам, которые де владения Гишпанского, и на оных имеется губернатор и бывают из Гишпании на те острова корабли, на коих де уже и в самое Гишпанское государство плавание возымеют (цит. по: [Вахрин]).

Таким образом, первоначально Беневский и Хрущов собирались добраться именно до испанских владений Тиниана и Гуама, а не до португальского Макао, откуда беглецы и отплыли во Францию.

Тиниан, один из островов Марианского архипелага в Тихом океане, стал местом пребывания флотилии Ансона в течение двух месяцев по пути к Филиппинам. Именно здесь английские моряки сумели отдохнуть после тяжелого перехода по Тихому океану, излечиться от цинги. Неудивительно, что жизнь на острове показалась им раем: «...after having kept the sea for some months, we were going to take

³ «Я встал и осмотрел весь домик, который был очень хорошо обставлен; но то, что приятно удивило меня, был альков того же рода, что и мой, который был заполнен книгами на французском, русском, английском, немецком, латыни, расставленными в строгом порядке. Я нашел "Путешествие" Ансона, лежавшее на столе, и начал читать его с удовольствием, но едва закончил первую страницу, как г-н Хрущёв вошел и обнял меня. Наш первый разговор был об этом знаменитом путешественнике, и мой друг сообщил мне, что в течение шести лет он размышляет о различных способах побега с Камчатки и возможности добраться до Марианских островов. Описание острова Тиниан в этой книге поразило воображение г-на Хрущёва настолько, что остров, по его мнению, был настоящим раем».

possession of *this little paradise*»⁴ [Walter, p. 306]. Как и остров Робинзона, он был почти необитаем: несколько индейцев и один испанец присматривали здесь за разведенным европейцами скотом и домашней птицей. Тем не менее, он произвел на англичан впечатление благоустроенной плантации:

For the prospect of the country did by no means resemble that of an uninhabited and uncultivated place, but had much more the air of a magnificent plantation, where large lawns and stately woods had been laid out together with great skill, and where the whole had been so artfully combined, and so judiciously adapted to the slopes of the hills, and the inequalities of the ground, as to produce a mod striking effect, and to do honour to the invention of the contriver⁵ [Ibid., p. 306].

Путешественников здесь восхитило все – от свойств почвы («The soil is everywhere dry and healthy»⁶) до рельефа и чистой воды:

The land rises by easy slopes, from the very beach where we watered to the middle of the Island; thou the general course of its ascent is often interrupted and traversed by gentle descents and vallies; and the inequalities, that are formed by the different combinations of these gradual swellings of the ground, are most beautifully diversified with large lawns, which are covered with a very fine trefoil, intermixed with a variety of flowers, and are skirted by woods of tall and well-spread trees, most of them celebrated either for their aspect or their fruit. The turf of the lawns is quite clean and even, and the bottoms of the woods in many places clear of all bushes and underwoods; and the woods themselves usually terminate on the lawns with a regular outline, not broken, nor confused with straggling trees, but appearing as uniform, as if laid out by art. Hence arose a great variety of the most elegant and entertaining prospects, formed by the mixture of these woods and lawns, and their various intersections with each other...⁷

---

⁴ «После нескольких месяцев, проведенных в море, мы готовились вступить в обладание этим маленьким раем».

⁵ «Перспектива этого острова ничем не напоминает необитаемые и неводеланные места, это скорее зрелище великолепной плантации, где большие газоны и величественные леса были заложены с большим мастерством и где все было так искусно спланировано и так разумно приспособлено к склонам холмов, к неровностям почвы, как будто для того, чтобы произвести наибольший эффект и сделать честь хозяину этих мест».

⁶ «Почва повсеместно суха и здорова».

⁷ «Земля поднимается пологими склонами от берега, где мы набирали воду, вплоть до середины острова; этот подъем часто прерывается пологими скатами и долинами; но все неровности, образованные различными вариациями этого постепенного возвышения местности, красивейшим образом разнообразятся большими лугами, покрытыми прекрасным трилистником и разнообразными цветами; ихгибают рощи высокие широко раскинувшихся деревьев, большинство из них вызывает интерес своим внешним видом или плодами. Дёрн лугов вполне чист и ровен, нижние ярусы рощ во многих местах свободны от кустов и подлеска, а сами рощи обычно переходят в лужайки правильной формы; последние не изломаны, не теряются среди выступающих деревьев, но выглядят так, словно это творения человеческих рук. Это создает огромное разнообразие самых изящных эффектных видов, образованных этими рощами и лужайками».

<...>

...near the center of the Island there were two considerable pieces of fresh water⁸ [Ibid., p. 308, 311].

Остров, как и Эдем, представлял собой огромный сад, изобилующий экзотическими фруктами и овощами:

But this place was not only extremely grateful to us from the plenty and excellency of its fresh provisions, but was as much perhaps to be admired for its fruits and vegetable productions... For in the woods there were inconceivable quantities of coco-nuts, with the cabbages growing on the same tree. There were besides guavaes, limes, sweet... oranges, and a kind of fruit, peculiar to these Islands, called by the Indians Rima, but by us the Bread Fruit, for it was constantly eaten by us during our stay upon the Island instead of bread. Besides the fruits already enumerated, there were many other vegetables extremely conducive to the cure of the malady we had long laboured under, such as water-melons, dandelion, creeping purslain, mint, and sorrel ; all which, together with the fresh meats of the place, we devoured with great eagerness, prompted⁹ [Ibid., p. 311].

Пасущийся на лугах скот, свиньи и обилие расплодившейся домашней птицы (*fowls*) являли собой истинно эдемскую «пастораль без пастухов»:

The fortunate animals too, which for the greatest part of the year are the sole lords of this happy soil, partake in some measure of the romantic cast of the Island, and are no small addition to its wonderful scenery. For the cattle, of which it is not uncommon to see herds of some thousands feeding together in a large meadow, are certainly the most remarkable in the world. <...> The cattle on the Island we computed were at least ten thousand; and we had no difficulty in getting near them, as they were not shy of us [Ibid., p. 309]¹⁰.

⁸ «...возле центра острова было два озера чистой воды».

⁹ «Но это место было не только чрезвычайно благодатно для нас вследствие изобилия и превосходства своего свежей пищи, но благодаря его восхитительным фруктам и овощам. В лесу было немислимое количество кокосовых орехов с кочанами капусты, растущими на этом же дереве. Кроме того, там росли гуавы, лаймы, сладкие... апельсины и особый фрукт, который встречается только на этих островах, называемый индейцами «римма» а нами – «хлебный плод», он стал нашей повседневной едой во время пребывания на острове, заменяя хлеб, кроме перечисленного, есть много овощей, крайне необходимых, чтобы вылечить болезни, коими мы долго страдали, такие как арбузы, одуванчик, ползучий портулак, мята и щавель; все это мы пожирали с большим рвением вместе со свежеприготовленным мясом».

¹⁰ «Счастливые животные в течение большей части года являются единственными владыками этой благодатной земли, внося свой вклад в романтический облик этого острова и дополняя прекрасные пейзажи. Крупный рогатый скот пасется тысячными стадами на большом лугу – одно из самых замечательных зрелищ, которое можно увидеть в нашем мире. <...> Скота мы насчитали минимум десять тысяч голов; они паслись рядом с нами, так как они не опасались нас».

Все это не мешало англичанам с удовольствием их съедать: «Their flesh was extremely well tasted, and was believed by us to be much more easily digested, than any we had ever met with»¹¹ [Ibid., p. 309]. Добавим к этому изобилие непуганой домашней и дикой птицы («by great plenty of wild fowl»)¹² [Ibid., p. 310].

Уже упомянутый выше В. Головнин, тоже читавший Ансона и посетивший Тиниан в начале XIX в., едва мог скрыть свое разочарование: реальность почти не изменилась, но то, что он увидел, не отвечало ни его практическому смыслу, ни воображению путешественника, тоже подпитываемому чтением Ансона:

Марианская, или Ладронская купа состоит из двенадцати островов и занимает место на земном шаре между северными широтами 13° и 20°, а в долготе восточной от Гринвича 146° – все они почти на одном меридиане. Главнейшие из них суть Гуахан. (Иностранцы остров сей называют Гуам, но сами испанцы дают ему имя Гуахан, которое и я сохранил.) Тиниан, столь много, хотя и без причины, *прославленный в путешествии лорда Ансона*, Сайпан... прочие же малы и незначительны.

Острова сии, будучи весьма изобильны съестными припасами, бедны во всех других отношениях. Они не только не приносят никакой пользы испанской короне, но еще она терпит от них убыток. <...> Но многие здешние жители, хотя родились здесь, скучают, а особливо из рабочего народа. Множество из них неотступно просились в нашу службу. <...> Ныне же разведены бараны, козы, собаки, лошади, а рогатого скота на всех островах считается до 30 тысяч, и большею частью на острове Тиниане [Головнин, с.126].

Единственная ссылка на Тиниан Ансона в «Записках» Ивана Рюмина появилась на фоне описания «земного рая» на острове Усма (современная Осима), на котором беглецы и останавливались с 19 по 31 июля 1771 г. Здесь они встретили самый радушный прием за все время своего путешествия. Восхитила русского писаря и невиданная местная природа:

Оный остров представляет в себе множество превысоких гор, которые все покрыты разными плодоносными деревьями, то есть апельсинами, цитронами, лимонами, померанцами, пальмовыми и кокосовыми орехами и другими нам не известными деревьями; на том же острове растет множество лесного винограду... вкусом очень кисел; ...на том же острову растет на деревьях особый фрукт, нам незнаемый, величиною с небольшую тыкву, видом померанцевой или лимонной, который имеет на себе по поверхности несколько таких частиц, каковые бывают на орехах сибирских шишки... то в самой середине останется наподобие

¹¹ «Их мясо было очень вкусным, и мы были согласны во мнении, что оно необыкновенно легко переваривается».

¹² «изобилием дикой птицы».

круглого яблока очень желтое тело, которое вкус имеет самый сладкий и так приятный, что превосходит хорошей дыни; ибо тот вкус несколько походит на дыню, и сказывают, что весьма здоров; уповательно этот фрукт господин Ансон назвал растущим на дереве хлебом на острове Таниан, потому что он питателен [Рюмин, 1822, № 7, с. 452–453].

Для тех, кто не читал Ансона, Беневский и Хрущов придумали более простую версию:

Время уже объяснить средство, которое употребили Беневский и Хрущев, склонив в свою пользу такое большое число людей. Они уверяли всех, что недалеко от Камчатки лежит остров, изобилующий золотом до такой степени, что легко нагрузить оным весь корабль [Берх, с. 16–17].

Беневский во время этого плавания разыгрывал сюжет Одиссея, возвращающегося в любимую Европу к любимой жене. Поэтому он легко избавлялся от ненужного балласта – корабля или все время чем-то недовольных спутников. Тем не менее, разные типы островов – Робинзона или Ансона – продолжали «искушать» воображение и самого Беневского-путешественника, и его потенциального читателя-европейца, поэтому он постоянно обсуждает со своими русскими спутниками план устройства будущей колонии. Так, Беневский выдумал обстоятельства своего посещения нескольких Командорских и Алеутских островов – Беринга, Лисьего [Benyowsky, 1904, p. 278–300], на которых якобы создал процветающую колонию бежавший от правительства благородный русский пират Иван Охотин, сюжетный двойник самого Беневского (европеец по происхождению, попал в опалу, ссылку, взбунтовался, нуждается в помощи Европы, готов воевать с Россией).

По мере удаления от российских берегов на юг эти мифические острова приобретают все более экзотический колорит воображаемого «Тиниана». Так, 17–19 июля обессиленные от голода и жажды путешественники якобы высаживаются на необитаемом «острове Влаги», где в изобилии есть не только вода, но и ананасы, бананы, кокосы, дикие свиньи и т. п., а главное – признаки жильного золота и даже месторождения алмазов [Ibid., p. 331–338]. Здесь соратники впервые мечтают не только о колонии в таком «приятном месте», но и о новой империи: «The associates being delighted with the project of forming a new colony, which might hereafter become an empire»¹³ [Ibid., p. 340]. Симптоматично, что едва оторвавшись от одной империи беглецам хочется основать новую – вот он, русский имперский инстинкт! С этого «квазилокуса» между Беневским и его спутниками, если верить его мемуарам, начинается постоянное обсуждение возможности создания колонии на том или ином острове. Напомним, что зенитом карьеры

¹³ «Мои соратники с восторгом обсуждали план создания новой колонии, которая в дальнейшем могла стать империей».

Беневского на Мадагаскаре, по его собственной версии (проверить ее не представляется возможным), станет роль «Амранџакэ», избранного туземцами «императора» северо-восточной части острова.

Апофеоз условного «Тиниана» как будущей колонии наступает на уже упомянутом выше острове Усмай, вожди которого вдобавок к уже знакомой нам тропической экзотике наделяют путешественников временными женами и заключают с Беневским договор о возможности возвращения на этот «счастливый остров» [Ibid., p. 378–393]. Вероятно, И. Рюмин был не в курсе походов своего «предводителя», хотя природа, еда и нравы аборигенов произвели, как мы убедились выше, сильное впечатление и на него. Беневский утверждает даже, что несколько его спутников якобы пожелали остаться на нем.

На острове Формоза Беневский теряет нескольких спутников убитыми, устраивает дикарям эпический разгром, участвует в войне на стороне «своих» аборигенов против чужих (ср. второй роман о Робинзоне Крузо) и пишет подробный план устройства новой колонии [Ibid., p. 412–455]. Отметим, что на всех трех обитаемых островах (посещение Японии выпадает из этого ряда, так как там уже существовало сильное государство) он каждый раз встречает либо европейца (Don Hieronimo), либо потомка европейца (Охотин, Nicholas), который либо становится его посредником в контактах с местным населением, либо обладает наибольшим авторитетом.

Достоверно известно, что Беневский действительно первоначально вынашивал план возвращения на Формозу, предложив французскому королю создать там колонию. Из-за неудобства логистики ее пришлось заменить на Мадагаскар, рядом с которым уже находилась островная колония Франции Иль-де-Франс. На обоих островах Беневский и его русские спутники останавливались по пути в Европу, однако в их записках это лишь зафиксировано без малейших намеков на какие-либо впечатления. Очевидно, Мадагаскар стал новым «островом надежды» для самого Беневского и части его соратников. И здесь у него уже был литературный прототип из романа Д. Дефо «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона» (1720), в котором юный мятежник Синглтон с португальцами был высажен капитаном на острове Мадагаскар. В ходе развития сюжета о приключениях и пиратстве европейцев на просторах Африки и океанов персонажи покинут остров, но природа и аборигены Мадагаскара охарактеризованы рассказчиком с самой лучшей стороны «...they brought us fowls and flesh afterwards in good plenty»¹⁴ [Defo, 1840, p. 16–17]; «...we soon found the country was very pleasant and fruitful»¹⁵ [Ibid. p. 31]; «We found the place full of cattle and provisions»¹⁶ [Ibid., p. 36].

Беневскому удалось с помощью дружественных по отношению к нему англичан создать легенду, что на Мадагаскаре *была якобы*

¹⁴ «...они впоследствии принесли нам в большом количестве куриц и мяса».

¹⁵ «...мы вскоре обнаружили, что эта страна очень приятна и плодородна».

¹⁶ «Мы нашли место, изобилующее скотом и другой провизией».

реализована программа «гуманного колониализма» (см.: [M²Leod]). Тем не менее, его возвращение на остров в 1785 г. и смерть в сражении с французами доказывают, что создание колонии на острове с благоприятной природной средой и дружелюбным населением на основе принципов разума и взаимной выгоды колонистов и аборигенов продолжало быть особенно значимым для него. Однако мадагаскарский дневник Беневского, включенный в «Мемуары», больше похож на отчет чиновника и не содержит никаких эстетически значимых описаний. К сожалению, Беневский предпочитал выдумывать «факты», а не живописные картины, поэтому он охотнее использовал жанры дневника, судебного журнала, делового письма, описи, договора, исторического или географического очерка, прибегая к «романическим» приемам только в сюжетостроении своих записок. Возможно, он не обладал талантом «изобразителя» или надеялся придать мемуарам большую достоверность, возможно, наконец, и то, что перевод Николсона с его рукописи на французском сильно уступал оригиналу.

Самые образованные и впечатлительные русские спутники Беневского не оставили своих записок, а его мемуары и травелоги не всегда содержат какие-то яркие детали, поэтому нам пришлось реконструировать ту сферу их «воображаемого», которая была связана с идеалом «нового рая», исходя из жанровых конвенций и популярных травелогов середины XVIII в.

Список литературы

Берх В. Н. Побег графа Бениовского с Камчатки во Францию // Сын Отечества. 1821. Ч. 27–28. С. 3–23.

Борхес Х. Л. Проза разных лет. М. : Радуга, 1984. 320 с.

Вальтер Р. Путешествие около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44 годах совершил адмирал лорд Ансон, будучи главным командиром над эскадрой военных кораблей его великобританского величества, отправленную для поисков в Южное море, собранное из его записок и документов и под собственным его смотрением на свет изданное Рихардом Валтером, проповедником на бывшем в том походе корабле его величества, Центурионе; [просмотренное Бенжаменом Робенсом], а с немецкаго на российский язык переведенное Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым. Со многими грьдорованными фигурами и ландкартами. СПб. : [Б. и.], 1751. 491 с.

Вахрин С. Встречь солнцу // Библиотека «Северной пачифики» : каталог. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/katalog.htm> (дата обращения: 10.10.2016).

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу : Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 560 с.

Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М. : Географгиз, 1961. 480 с.

Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо / пер. В. Шишмаревой. URL: <http://iknigi.net/avtor-daniel-defo/705-robinzon-kruzo-daniel-defo/read/page-5.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9834> (дата обращения: 10.10.2016).

Мароши В. В. «Идеальный пейзаж» в травелогах русских путешественников о Центральной Азии // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. 462 с. С. 37–69.

Мароши В. В. Зверинцы и зоосады в русской литературе XIX – начала XX в.: между раем и адом // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 177–192.

Рюмин И. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским // Северный архив. 1822. № 5. С. 375–395; № 6. С. 447–463; № 7. С. 3–21.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 6. С. 37–69.

Хмельнов И., Чухраев Э. Бунтующий флот России: от Екатерины до Брежнева. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-hmelnov/126782-buntuuyuschiy-flot-rossii-ot-ekateriny-ii-do-brezhneva-igor-hmelnov/read/page-7.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Щебальский К. Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге, и о последствиях оногo // Русский архив. 1865. № 4. С. 417–438; № 7. С. 859–895.

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... : Система пейзажных образов русской поэзии. М. : Высш. школа, 1990. 303 с.

Adams P. G. Travelers and Travel Liars, 1660–1800. N. Y. : Dover Publ., 1980. 292 p.
Benyowsky M. A. The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland. One of the Chiefs of the Confederation of Poland: Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, Touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement, he was Appointed to Form upon the Island of Madagascar / transl. from the Original Manuscript by W. Nicholson. L. ; Dublin : [S. n.], 1790. Vol. 1–2. 422 + 399 p.

Benyowsky M. A. The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland, One of the Chiefs of the Confederation of Poland Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement he was appointed to form upon the Island of Madagascar. L. ; Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1904. 686 p.

Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. Princeton : Princeton Univ. Press, 2004. 246 p.

Curtius E. R. Ideal Landscape // Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. N. Y. ; Evanston : Harper & Row Publ., 1953. P. 183–203.

Defoe D. The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe. URL: http://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Robinson_Crusoe_BT.pdf (mode of access: 10.10.2016).

Defoe D. The Life, Adventures, and Piracies of Captain Singleton. With a Prefatory Notice. Oxford : Talboys, 1840. 345 p.

Hesiod. The Epics of Hesiod. L. : Whittaker, 1861. 308 p.

M'Leod L. Madagascar under Benyowsky // Madagascar and Its People. L. : Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, 1865. P. 25–47.

Novak M. E. Edenic Desires // Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding The Thing Itself. Lanham : Rowman & Littlefield, 2014. P. 111–129.

Scafi A. Mapping Paradise: A History of Heaven on Earth. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2006. 398 p.

Walter R. B. Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Esq; Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, Sent upon an Expedition to the South-Seas. Compiled From Papers and Other Materials of the Right Honourable George Lord Anson, and Published under his Direction, by R. Walter, M. A. Chaplain of his Majesty's Ship the Centurion in that Expedition. Ill. with Forty-Two Copper-Plates. L. : John and Paul Knapton, 1748. 530 p.

References

- Adams, P. G. (1980). *Travelers and Travel Liars, 1660–1800*. N. Y., Dover Publ. 292 p.
- Benyowszky, M. A. (1790). *The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland. One of the Chiefs of the Confederation of Poland. Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, Touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement, he was Appointed to Form upon the Island of Madagascar* / transl. from the Original Manuscript by W. Nicholson. L., Dublin, S. n. Vol. 1–2. 422 + 399 p.
- Benyowszky, M. A. (1904). *The Memoirs and Travels of Mauritius August Count de Benyowsky, Magnate of the Kingdom of Hungary and Poland, One of the Chiefs of the Confederation of Poland Consisting of his Military Operations in Poland, his Exile into Kamchatka, his Escape and Voyage from that Peninsula through the Northern Pacific Ocean, touching at Japan and Formosa, to Canton in China, with an Account of the French Settlement he was appointed to form upon the Island of Madagascar*. L., Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 686 p.
- Berh, V. N. (1821). *Pobeg grafa Beniovskogo s Kamchatki vo Franciyu* [The Escape of Count Benyovszky from Kamchatka to France]. In *Syn Otechestva*. Ch. 27–28, pp. 3–23.
- Borhes, H. L. (1984). *Proza raznyh let* [Selected Prose]. Moscow, Raduga. 320 p.
- Campbell, J. (2004). *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton, Princeton Univ. Press. 246 p.
- Curtius, E. R. (1953). Ideal Landscape. In Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. N. Y., Evanston, Harper & Row, Publ, pp. 183–203.
- Defoe, D. *Zhizn' i udivitel'nye priklyuchenija Robinzona Kruzo* [The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe] / transl. by V. Shishmareva. URL: <http://iknigi.net/avtor-daniel-defo/705-robinzon-kruzo-daniel-defo/read/page-5.html> (mode of access: 10.10.2016).
- Defoe, D. (1840). *The Life, Adventures, and Piracies of Captain Singleton. With a Prefatory Notice*. Oxford, Talboys. 345 p.
- Defoe, D. *The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe*. URL: http://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Robinson_Crusoe_BT.pdf (mode of access: 10.10.2016).
- Diodorus Siculus. *Istoricheskaja biblioteka* [Historical Library]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/9834> (mode of access: 10.10.2016).
- Golovnin, V. M. (1961). *Puteshestvie na shljupe "Diana" iz Kronshtadta v Kamchatku, sovershennoe pod nachal'stvom flota lejtenanta Golovnina v 1807–1811 godah* [The Journey on the Diana Sloop from Kronstadt to Kamchatka, Made under the Command of Lieutenant Golovnin between 1807 and 1811]. Moscow, Geografiz. 480 p.
- Hesiod (1861). *The Epics of Hesiod*. L., Whittaker. 308 p.
- Epstein, M. N. (1990). *Priroda, mir, tajnik vselennoj...: Sistema pejzaznyh obrazov russkoj poezii* [Nature, the World, the Hiding Place of the Universe... : A system of Landscape Images of Russian Poetry]. Moscow, Vysshaja shkola. 303 p.
- Khmelnov, I., Chukhraev, E. *Buntuyushchij flot Rossii: ot Ekateriny do Brezhneva* [The Rebellious Navy of Russia: From Catherine the Great to Brezhnev]. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-hmelnov/126782-buntuyuschiy-flot-rossii-ot-ekateriny-ii-do-brezhneva-igor-hmelnov/read/page-7.html> (mode of access: 10.10.2016).
- Maroshi, V. V. (2015). Zverincy i zoosady v russkoj literature XIX – nachala XX v.: mezhdru raem i adom [Menageries and Zoos in the Russian Literature of the 19th and Early 20th Centuries: Between Heaven and Hell]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 177–192.
- Maroshi, V. V. (2016). "Ideal'nyj pejzazh" v travelogah russkih puteshestvennikov o Central'noj Azii ["The Ideal Landscape" in the Accounts of Russian Travellers in Central Asia]. In Pecherskaya, T. I., Konstantinova N. V. (Eds.). *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaja monografija*. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, pp. 37–69.
- M'Leod, L. (1865). Madagascar under Benyowsky. In *Madagascar and Its People*. L., Longman, Green, Longman, Roberts, & Green, pp. 25–47.

Novak, M. E. (2014). Edenic Desires. In *Transformations, Ideology, and the Real in Defoe's Robinson Crusoe and Other Narratives: Finding the Thing Itself*. Lanham, Rowman & Littlefield, pp. 111–129.

Ryumin, I. (1822). Zapiski kanceljarista Rjumina o prikljuchenijah ego s Beniovskim [The Travel Notes of Chancellor Ryumin about His Adventures with Benyovszky]. In *Severnyj Arhiv*. No. 5, pp. 375–395; No. 6, pp. 447–463; No. 7, pp. 3–21.

Scafi, A. (2006). *Mapping Paradise: A History of Heaven on Earth*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 398 p.

Sgibnev, A. S. (1869). Istoricheskij ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke [Historical Essay of the Main Events in Kamchatka]. In *Morskoy Sbornik*. No. 6, pp. 37–69.

Shchekalsky, K. (1865). Zapiska o bunte, proizvedennom Beniovskim v Bol'shereckom ostroge, i o posledstvijah onogo [A Note on the Riot Organised by Benyovszky in the Bolsheretsky Prison and Its Consequences]. In *Russkij Arhiv*. No. 4, pp. 417–438; No. 7, pp. 859–895.

Vahrin, S. *Vstrech' solncu* [Towards the Sun]. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/katalog.htm> (mode of access: 10.10.2016).

Walter, R. (1751). *Puteshestvie okolo sveta, kotoroe v 1740, 41, 42, 43, 44 godah soverшил admiral lord Anson, buduchi glavnyim komandirov nad jeskadroju voennyh korablej ego velikobritanskogo velichestva, otpravlennuju dlja poiskov v Juzhnoe more, sobrannoe iz ego zapisok i dokumentov i pod sobstvennym ego smotreniem na svet izdannoe Rihardom Valterom, propovednikom na byvshem v tom pohode korable ego velichestva, Centurione; [prosmotrennoe Benzhamenom Robensom], a s nemeckago na rossijskij jazyk perevedennoe Akademii nauk perevodchikom Vasil'em Lebedevym. So mnogimi grydorovannymi figurami i landkartami* [Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, sent upon an Expedition to the South-Seas...]. St Petersburg, S. n. 491 p.

Walter, R. B. (1748). *Voyage Round the World in the Years MDCCXL, I, II, III, IV by George Anson, Esq; Commander in Chief of a Squadron of His Majesty's Ships, Sent upon an Expedition to the South-Seas*. Compiled From Papers and other Materials of the Right Honourable George Lord Anson, and Published under his Direction, by R. Walter, M. A. Chaplain of his Majesty's Ship the Centurion in that Expedition. Ill. with Forty-Two Copper-Plates. L., John and Paul Knapton. 530 p.

Wulf, L. (2003). *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment] / transl. by I. Fedjukin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.

The article was submitted on 05.02.2017